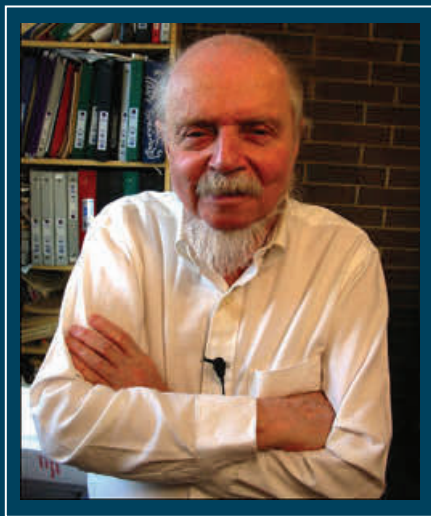

Александр Сергеевич Вольпин

СТИХИ

Июль 16., 2014

Ас
Вальхун

**Александр Сергеевич
Вольпин**

СТИХИ

БОСТОН • 2014 • BOSTON

А.С. Вольпин

Стихи

Печатается по изданию 1961 г.
с исправлениями автора, июль 2014 г.

ISBN 978-1-940220-13-0

Изд-во M·GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com
Phone: 781.990.8778

Подготовка к печати и обложка: © А. Агнич и М. Минаев, 2014

Printed in the United States of America

ISBN 978-1-940220-13-0

**«В России нет свободы печати — но кто
скажет, что в ней нет и свободы мысли?»**

— Есенин-Вольпин.

БОЛОТНЫЙ ДЕД

Он выходит из болота поутру
Порезвиться на лужайке на ветру

И в трясине на руках и голове
Кувыркается в зеленой мураве,

А завидит где бегущий ручеек —
Побежит и сразу ляжет поперек, —

Видно, любит старый нежиться в воде,
И журчит вода по длинной бороде...

А потом, когда он выйдет из ручья, —
Как блестит его на солнце чешуя!

А потом, когда он ляжет на песок, —
И на самый непременно солнопек,

Ипуская только фырканы да свист, —
Как он зелен, как он весел, как он чист!

...И, явившись из болота поутру,
Он нырнет в него обратно ввечеру.

Ашхабад,
18/III-1942.

ПО УГЛАМ ЗАСНУЛИ МУХИ

По углам заснули мухи,
Жадно жрут их пауки;
Чинят кислые старухи
Пропотевшие носки;
Головой тряся плешивой,
Одноглазая в очках
Поднимает спор крикливый
О тринадцати рублях.
Говорит, как ведьма злая:
«Всякий воровать горазд!»
Ей в ответ твердит другая,
Что ни чорта не отдаст
(Черный плат надет на стерве;
Весь в морщинах, рот обвис;
То ли сопли, то ли черви
По морщинам полились...).
...Мальчик спит под образами;
Ничего не знает он,
И закрытыми глазами
Точно в книгу смотрит в сон.
...Одноглазые злодейки
Будто штопают носки,
А в углах — четыре змейки
Засыпают от тоски,
А снаружи — холод лютый,
И проходят стороной
Полулюди, полуспруты,
Все ломая за собой...
...Пожалели б хоть младенца,
Не кричите: он ведь спит! —
Так, сморкаясь в полотенце,
Пелагея говорит.
И, к перстам прижатым пальцем
Перекрещивает плоть...

«Все нам, грешникам-страдальцам,
Двери в рай открой, Господь!»
...Полотер огромной ложкой
Набивает рот пшеном,
И компания с гармошкой
Веселится под окном,
И на души всем страдальцам
Горько капает уют,
И дрожит под одеяльцем
Полумальчик-полуспрут.

Москва,
7/1-1941.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Я на высокой башне стою,
На самом ее краю.
Солнце садится. Я очень рад,
Что начался закат —
И если я прыгну, — тогда весь мир,
Мне кажется, станет сир...
Потому что с гитарой навеселе
Я прошелся по всей земле...
Дунай и Волга, и Гвадалквивир —
Весь обитаемый мир —
Все прекращало свои дела,
Когда моя песнь текла!
В какой бы я дом ни заходил —
Всякий был добр и мил,
И сам король на пиру спяна
Наливал мне стакан вина...
...И лишь была на свете одна
Красотка... Но нету сил —
Со мной всегда холодна как луна —
Как я ее ни просил.
...Часами я смотрел ей в лицо —
Оставалась, как снег зимой.
Но дал я ей золотое кольцо,
И она побрела за мной!
...Это было четырнадцать лет назад —
И четырнадцать раз подряд
Из года в год все из ночи в ночь
Одно и то же точь в точь:
Едва поблекнет небес бирюза,
Загорятся ее глаза —
И я счастлив, ей-Богу, счастлив я,
В какие б ни шел края...
...Положить ей голову на плечо
И забыться — чего ж еще? —

Но я на высокой башне стою,
На самом ее краю,
И пусть летит по земле молва,
Что я был счастлив как бог, —
Но через миг моя голова
Окажется ниже ног!

Москва,
28/VII-1943.

ОФЕЛИИ

Ты с цветами взберешься на иву,
Под которой несется поток,
И невольно отдашься мотиву,
Что и ангел напеть бы не мог...
Станут песни твои шаловливы,
И, забывшись, оступишься ты,
И, стремительно падая с ивы,
Налету растеряешь цветы —
И заплачет печальная ива
О тех, кто в тебя был влюблен...
...Но виновна ль ты в том, что красива,
И виновен ли он, что умен?

17/II-1944.

В ЗООПАРКЕ

В Зоопарке, прославленном грозными львами,
Плакал в низенькой клетке живой крокодил.
Надоело ему в его маленькой яме
Вспоминать пирамиды, Египет и Нил.
И увидев меня, пригвожденного к раме,
Он ко мне захотел и дополз до стекла, —
Но сорвался и больно ушибся глазами
О неровные, скользкие стены угла.
...Испугался, беспомощно дрогнул щеками,
Задрожал, заскулил и исчез под водой...
Я ж слегка побледнел и закрылся руками
И, не помня дороги, вернулся домой.
...Солнце радужно пело, играя лучами,
И меня увлекало игрою своей.
— И решил я заделать окно кирпичами, —
Но распался кирпич от оживших лучей, —
И, как прежде с Землей, я порвал с Небесами,
Но решил уж не мстить, а спокойно заснул.
И увидел: разбитый с больными глазами
Задрожал, заскулил и в воде утонул...
...Над домами разыграло вечернее пламя, —
А когда, наконец, поглотила их мгла, —
Я проснулся и долго стучался глазами
О холодные, жесткие стены угла...

4/II-1941.

ПЬЯНИЦА

Я пью помногу без запинки
И я из тех,
Кто каждый раз на вечеринке
Пьянее всех.
Кричит хозяин: вот настойка,
А вот икра, —
Чтоб не наскучила попойка
Нам до утра!
И я, как прочие, сначала
Иду к столу,
Потом, рассчитывая мало
На похвалу, —
— Стихи! — воскликну я, но: «Брось-сьте» —
Услышу стон...
...И до утра танцуют гости
Под патефон,
А я, с досады или с горя, все пью да пью,
И декламирую — и вскоре
Перестаю...
...И, безнадежный алкоголик,
Придя домой,
Я ставлю зеркало на столик
Перед собой,
И каждый раз мне очень грустно,
В глазах — слеза,
И я никак не наглажусь на
Свои глаза...

17/Ш-1944.

МОРФИН

...Опустошен я, ждет меня больница.
В ее стенах безумный не один.
Несвязных мыслей злая вереница
Со мной всегда, до старческих седин.
Моя душа — печальная гробница,
В ней похоронен дивный исполин —
Я не могу, как юноша, дивиться
На красоту неведомых глубин...
...Сегодня обновленья жду — от шприца!
Спасенья жду — и не на день один!
Счастливых грез шальная вереница
Не уходи, останься до седин...
...И вот в крови бежит струя морфина,
Я вижу стаи синекрылых птиц...
Мои глаза, как в бурю бригантина,
За ними вслед несутся из глазниц...
Паркетный пол дрожит как паутина.
Я слышу грохот... боги пали ниц!
Я — царь вселенной!... Мне приятно, Инна,
Мне так приятно, словно в сердце — шприц!

5/VII-1944.

ПОЛНОЛУНИЕ

В стекле зеркал каменеют лица,
В холодной луже как труп луна;
В такую ночь никому не спится,
Ведь полнолуние — не время сна!
...Синеют лица, мелькают платья,
Неровный голос поет стихи,
Супруги молча ползут в объятья,
К невестам тянутся женихи,
Друг другу губы несут заразу,
И всюду, всюду блестит луна...
И без конца повторяют фразу:
«Я буду, буду тебе верна»...
Какой-то дурень одну и ту же
Миллионный раз теребит струну...
О как хотел бы я видеть в луже
Не отражение — саму луну!
...Она смотрела в твое оконце,
Ты выбегала на резкий свист;
Она была нам нужней, чем солнце,
Нас было двое; был каждый чист;
Я был в беспамятстве. Ты играла.
Я жизнь и волю вложил в игру.
...Пчела, ужалив, теряет жало
И умирает... И я умру...

6/Х-1944.

ШИЗОФРЕНИЯ

...Я дождался конца болтовни докторов
И пошел к ней. Смеркалось.
Я вошел и сказал, что не буду здоров...
— Рассмеялась!
...Я ей все рассказал (был белей мертвеца),
От конца до начала, —
Рассмеялась, как будто иного конца
От меня и не ждала...
...А на улице тихо светила луна —
И не только поэтам:
В эту лунную ночь разыгралась война
Тьмы со светом, —
И она (если все это было во сне, —
Значит, сон лицемерил)
Говорила так долго, и все о войне...
Я молчал и не верил,
Что сжигают Варшаву, Париж и Москву
Ради стран или денег:
Просто бьется в припадке, кусая траву,
Великан-шизофреник.

7/IX-1941.

ИДЕТ ОН, ВЕСЕЛО РАЗМАХИВАЯ

Идет он, весело размахивая
Пустым и длинным рукавом, —
И эту искорку в глазах его я
Назвал бы только торжеством...
Он — счастлив! Нам же — счастья недобрано!
...Его ресницы сожжены,
И, как последний аккорд из оперы
Живут видения войны...
Но что победы ему — и что пиры
Царей, что сгнили под землей, —
Людские кости волками глоданы,
На них спускается роса...
...Теперь там тихо... Но стоны раненых
Сливались там в протяжный вой...
Но слезы глаз, уж отуманенных,
Там испарились в небеса...
...Из тех, кто после был там, никто еще
Не смел промолвить слова вслух —
Лишь волчья стая ушла с побищца
И воеет, сытая, вокруг...
...Идет он, рукавом размахивая, —
Он там лежал, и — ничего!
— И эта искорка в глазах его — я
Вам говорю, — что торжество!
Он — декламирует! И, по-моему,
Он — счастлив! Рад бы жить века!
— Ну, в самом деле, на что, — на что ему
Была б еще одна рука!
...Одна ли, две ли... Вздор! И в глазах его я
Прочел, что он махнул рукой —
И, рукавом пустым размахивая,
Идет, шепча, по мостовой.

28/VII-1942.

ЛЕЖИТ НЕУБРАННЫЙ СОЛДАТ

Лежит неубранный солдат
В канаве у дороги,
Как деревянные торчат
Его босые ноги.
Лежит, как вымокшая жердь,
Он в луже лиловой...
...Во что вы превратили смерть,
Жестокие солдаты!
...Стремглав за тридевять земель
Толпой несутся кони;
Но и за тридцать верст отсель
Коней мутит от вони,
Гниет под мертвыми земля,
Сырые камни алы,
И всех не сложат в штабеля
Иных съедят шакалы...
...Я вспомнил светлый детский страх.
В тиши лампы меркли.
Лежала девочка в цветах
Среди высокой церкви...
И все стояли у крыльца
И ждали отпеванья, —
А я смотрел, как у лица
Менялись очертанья,
Как будто сердце умерло,
А ткань еще боролась...
И терпеливо и тепло
Запел протяжный голос,
И тихо в ней светила смерть,
Как темный блеск агата...
...В гнилой воде лежит как жердь
Разутый труп солдата...

20/1-1945.

ОТ ОТЦА РОДНОГО ЛИ РОЖДЕН

От отца родного ли рожден,
Или непосредственно от славы,
Любопытством тонким наделен,
Презирал я детские забавы.
В девять лет я знал, что на Луне
Солнце днем горит на небе черном.
Часто думал: Вот куда бы мне...
С этой целью стать решил ученым,
И, презренья к жизни не тая,
Лет в пятнадцать мыслил только строго...
Для таких неистовых, как я,
Кантором проложена дорога.
...Переменны ранние мечты: —
Лет в семнадцать (это было летом)
Полюбив доступность пустоты,
Я едва не сделался поэтом, —
Но язык мой беден и смешон,
А движенья вычурно-корявы...
От отца родного ль я рожден
Или непосредственно от славы?

23/1-1946.

ПОСВЯЩЕНИЕ

(По случаю доказательства одной теоремы)

Прими подарок, Древняя Наука!
Пришла догадка — твой зажегся взгляд —
Я понял долг — и я сказал: «А ну-ка,
Я докажу!» — и начал невпопад...
...Ты отвернулась, я пришел в смятенье,
И снова труд... Второй неверный шаг...
Чего искать? Казалось, нет спасенья,
И я не первый гибнущий простак.
И снова труд — и, наконец — готово!!
Ошибок нет — и я всецело твой!
Я буду впредь искать всего, что ново,
И ненавидеть славу и покой!
И не отравит горечь отрешенья
Мой светлый ум: передо мною — Ты!
В тебе сплелись Познание и Сомнение,
Ты — мать Наук, Ума и Простоты!
...Пускай любви мне недоступна сладость,
Пускай веселья не приемлю я —
Да здравствует искусственная радость,
Умело созданная дочь моя!

22/II-1946.

НИКОГДА Я НЕ БРАЛ СОХИ

Никогда я не брал сохи,
Не касался труда ручного.
Я читаю одни стихи,
Только их — ничего другого...
Но, поскольку вожди хотят
Чтоб слова их всегда звучали,
Каждый слесарь, каждый солдат
Обучает меня морали:
«В нашем обществе все равны
И свободны — так учит Сталин.
В нашем обществе все верны
Коммунизму — так учит Сталин».
...И, когда «мечту всех времен»,
Не нуждающуюся в защите,
Мне суют как святой закон,
Да еще говорят: любите,
То, хотя для меня тюрьма
Это — гибель, не просто /кара,
Я кричу: «Не хочу /дерьма!»
...Словно я не боюсь удара,
Словно право дразнить людей
Для меня как искусство свято,
Словно (ругань моя умней
Простоватых речей солдата...
...Что ж поделаешь, раз весна —
Неизбежное время года,
И одна только цель ясна,
Неразумная цель: свобода!

31/VIII-1946.

ТИХА ВО ТЬМЕ БЛЕДНЕЮЩАЯ НИВА

Тиха во тьме бледнеющая нива,
И облака дырявы и светлы.
Земля еще тепла и терпеливо
Ждут солнца наклоненные стволы.
...Уйди, мечтатель, ищущий свободы!
В пустую ночь не затевай бузы:
У всех домов торчат громоотводы,
Но и без них сегодня нет грозы...

24/VIII-1948.

— СВОБОДЫ НЕ БЫЛО И НЕТ НА СВЕТЕ...

— Свободы не было и нет на свете...
Шути, мой сын: тебе я руку жму:
Рази их власть! Отцовскому уму
Забавны и ужасны шутки эти...
Большие дети не боятся плети,
И взрослые сажают их в тюрьму,
Но это не приводит ни к чему,
Им наплевать. на то они и дети.
Шути, мой сын! Пусть это только шум —
Но я люблю твой свежий, острый ум,
Хотя врагу смешны твои коленца.
Друзьям же и подавно наплевать
На то, что невозможно оправдать:
На возмущенье взрослого младенца!

3/II-1950.

ВОРОН

Как-то ночью, в час террора, я читал впервые Мора,
Чтоб Утопии незнание мне не ставили в укор.
В скучном, длинном описанье я искал упоминанья
Об арестах за блужданья в той стране, не знавшей ссор —
Потому что для блужданья никаких не надо ссор.
Но глубок ли Томас Мор?

...Я вникал в уклад народа, в чьей стране мерзка свобода...
Вдруг как будто постучали... Кто так поздно? Что за
[вздор!

И в сомненьи и в печали я шептал: «То друг едва ли,
Всех друзей давно услали... Хорошо бы просто вор!
И, в восторге от надежды, я сказал: Войдите, вор!
Кто-то каркнул: Nevermore!

...Все я понял. Ну, конечно, старый Ворон! И поспешно
Я открыл окно — и вот он, статный ворон давних пор!
Он куда-хнул в нетерпенье, озирая помещенье...

Я сказал тогда в смущенье: Что ж, присядьте на ковер;
В этом доме нет Паллады, так что сядьте на ковер —
Вот ковер, and nothing more!

И нелепо и понуро он уселся, словно кура...
Но потом нашлась Паллада — да, велик мой книжный сор!
И взлетел и снова сел он — черный, как из смолы сделан,
Он глядел, как сонный демон, тыча клювом в титул «Мор»,
Но внезапно оживился, стукнул клювом в титул «Мор»
И промолвил: Nevermore!

...Я подпрыгнул. О, Плутонец! Молчаливый как тевтонец!
Ты влетел, взглянул — и сразу, тонкий, едкий приговор!
Ты — мудрец, не корчи мину, — но открой хоть половину:
Как пройти в твою пучину? Потому что с давних пор
Я боюсь другой пучины в царстве, грязном с давних пор...
Каркнул Ворон: Nevermore!

— Ворон, Ворон! Вся планета ждет солдата, не поэта —
Вам в Плутонии, пожалуй, непонятен наш раздор!
О, какой грядущий гений об эпохе наших рвений
Сочинит венец творений, зло используя фольклор —
И, пожалуй, первым делом нами созданный фольклор!
Каркнул Ворон: Nevermore!

— О Пророк, не просто птица! В нетерпенье есть граница,
И тогда берут Вольтера — или бомбу и топор.
Мы бледнели от позора — так, пускай не слишком скоро,
Ведь у нас разгар террора, — но придет ли Термидор?
...Пал Дантон и Робеспьера поразил же Термидор!
Каркнул Ворон: Nevermore!

— О Пророк, не просто птица! Есть ли ныне заграница,
Где свободный об искусстве не опасен разговор?
Если есть, то добегу ли я в тот край, не встретив пули?
В Нидерландах ли, в Перу ли я решил бы старый спор —
Романтизма с реализмом до сих пор не кончен спор!
Каркнул Ворон: Nevermore!

«Никогда!» — сказала птица... За морями заграница...
...Тут вломились два солдата, сонный дворник и майор...
Перед ними я не шаркнул, одному в лицо лишь харкнул, —
Но зато как просто гаркнул черный ворон: Nevermore!
И вожу, вожу я тачку, повторяя: Nevermore...
Не подняться... Nevermore!

21/II-1948.

ЗВЕЗДА

Напрасно я считал, что заключенным
Легко в тюрьме смеяться над законом,
Что никакой для них не нужен строй —
Нет, и в тюрьме в тюрьму загнали слово!
...Седой марксист упорно и сурово
Заводит речь, разящую тюрьмой!
Евангелист — наверно, парень тертый,
Чеша живот, глотает воздух спертый,
И ни за что не распахнется дверь...
Через окно не прилететь надежде!
Но вижу то, о чем не думал прежде —
Я вижу ту звезду, где я теперь! —
...Она бела и, весело мерцая,
Мне шепчет, что похож на подлеца я,
Смирившегося с гробом и тюрьмой,
Тогда как лопнуть может заточенье —
Ведь так легко, путем перерождения,
Без промедленья слиться с ней, Звездой!
Да! На тюремный вырез небосвода
Она пришла — ведь ей дана свобода! —
И светит нагло, ярко и маня...
...И не поймет испуганный астроном,
Зачем она смеется над законом,
Над тем законом, что сразил меня.

Москва, Лубянка,
10/VIII-1949.

ИЗ-ЗА СИЛЬНОЙ ТРЕВОГИ

Из-за сильной тревоги к труду не имея влечения,
Подбираю я рифмы. Работа отнюдь не пуста:
Может, вспомню потом, что и раньше бывали сомненья,
Если снова устану и будет страшить пустота...
...А встревожен я тем, что вмешался в волненья людские,
Холодею к Науке — хотя лишь о ней говорю...
Сочиняю стихи — но, как видите сами, плохие,
Ничего не люблю и — ненужная пошлость — курю.
...А недавно еще поднималось во мне увлечение,
Думал: все я узнаю, и книги, и силы найду...
А теперь я устал, и ничто мне не даст облегченья,
Как ленивый невольник без сил приступаю к труду...
...Я люблю только синие звезды... Была бы свобода,
Я бы к ним полетел, как всегда, беззаботен в пути...
Только небо и звезды... Но разве поможет Природа
В отвлеченной науке дыханье Природы найти?

8/IV-1946.

СМЕРТЬ

Моя душа не в пустоту
Упала, светлая, из тела —
Она, сверкая налету,
В тебя, как ласточка, влетела —
И мы вдвоем, и мы одно!
— А мама бьется, мама стонет...
А мы спокойны. Нам чудно
Смотреть, как мальчика хоронят.

12/ХІІ-1944.

ГОРЕВАЛ Я НА ЧУЖБИНЕ

Горевал я на чужбине,
Вот опять она, Москва —
Только нет во мне, скотине,
Даже тени торжества.
Горечь прежняя забыта —
И, была бы воля мне,
С торжеством космополита
Я бы жил в чужой стране.

17/Х-1944.

ФРОНДА

Нам было пресно — петь псалмы на воле
И лить елей, порядку не вредя, —
И стыдно жить, гнилой урок твердя
В наш гнусный век о прежнем произволе.
И мы смеялись, как мальчишки в школе, —
А славящим всемирного вождя
Мы вторили, забавным находя:
— Хвала, хвала великому Лойоле!
...И вот, мы доигрались: мы в тюрьме...
Крепки ли мы? Что нам грозит? В уме
Мелькают безнадежные догадки...
...Мы запирались в солнечные дни
Для самой беспокойной болтовни...
...Какая глупость — фронда без рогатки!

Ленинград,
Тюрьма № 2
(Псих. больница).
7/XI-1949.

РАЗБИТО СЕРДЦЕ, ЗАБЫТА СТРАСТЬ —

Разбито сердце, забыта страсть —
Нас разделила чужая власть.

Меня травили со всех сторон
Чужая вера, чужой закон.

...Я жил безгласно, как жук в стене.
Ты прибегала тайком ко мне,

Ты трепетала в слезах стыда,
Я колебался, сказать ли да —

Но, за стеною от бытия,
Мы были счастливы — ты и я...

...Теперь ты в ссылке, а я в тюрьме,
Всю ночь при лампе, весь день во тьме,

Среди бандитов, среди воров,
Седых попов и профессоров.

...Конец! — Но теплится в глубине
Надежда жуткая: быть войне...

Надежда будет, раз нет газет,
А ждать, быть может, пятнадцать лет...

...А в мерзлой тундре ветры, снега...
В холодной шахте у всех цынга,

И твой отец не поднимет глаз,
Он под камнями не слышит нас!

...А там, на воле... ну что ж, сытней —
Конца не видно, хоть там видней!

...А самый главный молчит всегда,
И так в молчанье идут года —

И нет вопроса: за что, к чему
Тебя — за Волгу, меня — в тюрьму!

11/VI-1950.

КАК НИ СТАРАТЬСЯ ЗАЧИНИТЬ РАЗРЫВ

Как ни стараться зачинить разрыв,
Чуллок не станет прежним после штопки —
Но не боюсь ни карцера, ни встрепки!
Все что во мне — со мной!... Я буду жив!
...И сразу — прозаический призыв:
«Впредь не икать от запаха похлебки!» —
И я, как муха в спичечной коробке,
Через минуту буду молчалив.
...Но что скажу теперь о той свободе,
Которая мой разум забавляла
И комкала терпение мое,
И я хотел бы плыть на пароходе
Туда, где море русских не видало?...
Увы! Почти что не было ее...

Черновицы, тюрьма,
(в день ареста),
21/VII-1949.

Я КОГДА-ТО СТОЯЛ ДРУГОЙ

Я когда-то стоял другой,
Растопырив ноги,
Наклонившись вниз головой
Посреди дороги,
Чтоб деревья, земля сама —
Все повисло,
И лепилисьверху дома,
Не имея смысла...
Если кто говорил: «Дурак!» —
— Смешное дело!
— Небо, маленькое как гамак,
Подо мной висело, —
Отвечал я: «Не надо ума,
Лучше грубое чванство!
Есть на свете одна зима:
Постоянство!
...Люди терпят со всех сторон —
Лицемеры!
— Ну, а мой, так и быть, закон —
Ни любви, ни веры!»
...Но влюблялся я вновь и вновь,
И, боясь огласки,
Сапогами топтал любовь,
Чтобы не было ласки...
...Только мне те дни и года
Вспоминать бесполезно...
Между мной теперь и тогда —
Бездна!
Я не даром узнал тюрьму,
Страх и голод —
Поклониться пришлось всему,
Я не молод...

Я давно разлюбил мечту
Жить мечтами
И невинную красоту —
Мир вверх ногами...

Караганда,
23/III-1951.

Я ВЧЕРА ЕЩЕ РЕЗВИЛСЯ НА ПОЛЯНКЕ

Я вчера еще резвился на полянке,
Засыпая, я не думал про тюрьму —
И, однако, я очнулся на Лубянке,
До сих пор еще не знаю — почему.
Не сказали мне солдаты, в чем причина,
И допрос не состоялся поутру...
Так за что же угрожает мне кончина —
Неужели за пристрастие к перу?
— Но причем тут «почему» да «неужели» —
Все понятно безо всяких «почему»:
Раз не верил в человеческие цели —
Что за диво — заключение в тюрьму!

Я видал ее снаружи и с изнанки —
Но могу не удивляться ничему,
Если искорка свободы на Лубянке
Уничтожит необъятную тюрьму!
Потому что — как ни гибельна рутина
Всех, попавших в эту смрадную дыру, —
Я — паук, и мне знакома паутина:
На допросах ничего я не совру,
Смертным запахом последнего гниенья
Я проникну в протоколы и умы!

Не останется ни веры, ни сомненья,
Ни свободы, ни России, ни тюрьмы...

...Мне не надо ни надежды, ни приманки,
Чтоб смеяться и кривляться одному!
Я доволен: ведь сегодня на Лубянке
Я увидел знаменитую тюрьму!
Ну, а если очень скоро я узнаю,
Что ввязался в безнадежную игру?
Ничего я и тогда не проиграю,
Если как-нибудь порежусь и умру...
С милым видом торжествующей улыбки
Самовольно я оставлю этот дом,
И меня не похоронят по ошибке
С коммунистами на кладбище одном!

Июль 1949 — 23/III-1951.
Лубянка — Караганда,

НЕ ИГРАЛ Я РЕБЕНКОМ С ДЕТЬМИ

Не играл я ребенком с детьми,
Детство длилось, как после — тюрьма...
Но я знал, что игра — чепуха,
Надо возраста ждать и ума!

...Подрастая, я был убежден,
Что вся правда откроется мне —
Я прославлюсь годам к тридцати
И, наверно, умру на Луне!

— Как я многого ждал! А теперь
Я не знаю, зачем я живу,
И чего я хочу от зверей,
Населяющих злую Москву!

...Женщин быстро коверкает жизнь.
В тридцать лет уже нет красоты...
А мужья их терзают и бьют
И, напившись, орут как коты.

А еще — они верят в прогресс,
В справедливый общественный строй;
Несогласных сажают в тюрьму,
Да и сами кончают тюрьмой.

...Очень жаль, но не дело мое
Истреблять этих мелких людей.
Я зато совращу на их казнь
Их же собственных глупых детей!

Эти мальчики могут понять,
Что любить или верить — смешно,
Что тираны их — мать и отец,
И убить их пора бы давно!

Эти мальчики кончат петлей,
А меня не осудит никто, —
И стихи эти будут читать
Сумасшедшие лет через сто!

Караганда — Москва,
Апрель 1952 — 25/ХП-1953.

О СОГРАЖДАНЕ, КОРОВЫ И БЫКИ!

О сограждане, коровы и быки!
До чего вас довели большевики...

...Но еще начнется страшная война,
И другие постучатся времена...

...Если вынесу войну и голодок,
Может быть, я подожду еще годок,
Посмотрю на те невзрачные места,
Где я рос и так боялся где хлыста,
Побеседую с останками друзей
Из ухтинских и устьвымских лагерей, —
А когда пойдут свободно поезда,
Я уеду из России навсегда!
Я приеду в Византию и в Алжир,
Хоть без денег, но заеду я в Каир,
И увижу я над морем белый пар,
За скалою, у которой Гибралтар!
...И настолько ведь останусь я дитя,
Чтобы в Лувре восторгаться не грустя!
И настолько ведь останусь я аскет,
Чтоб надеяться на что-то в сорок лет,
И настолько ведь останусь я собой,
Чтобы вызвать всех католиков на бой!
...Но окажется, что Запад стар и груб,
А противящийся вере — просто глуп,
И окажется, что долгая зима
Выжгла ярость безнадежного ума,
И окажется вдали от русских мест

Беспредметен и бездушен мой протест!...
...Что ж я сделаю? Конечно, не вернусь!
Но отчаянно напьюсь и застрелюсь,
Чтоб не видеть беспощадной простоты
Повсеместной безотрадной суеты,
Чтоб озлобленностью мрачной и святой
Не испортить чьей-то жизни молодой,
И вдобавок, чтоб от праха моего
Хоть России не досталось ничего!

Караганда — Москва,
Апрель 1952 — Октябрь 1958.

ВЕСЕННИЙ ЛИСТ

Весенний лист, подарок непогоды,
Влетел, кружась, в тюремное окно...
Не я ли говорил, что для природы
Жить больше дня не стоит все равно?...
Не я ли объявлял мое желанье
Любить и жить — лишь рвеньем к новизне?
Не говорил ли, что хочу страданья,
И что весны, весны не надо мне?
...Был василек — и он попал мне в руки,
Его поднес я к носу — он не пах,
Но искривился и застыл от муки,
Как девочка, убитая в кустах...
— Его теперь мне жаль! Его волнение
И стыд — не те ли, что владеют мной,
И здесь, в тюрьме, я понял умиление
Перед природой бедной и простой!
...Но я схитрю — и буду я на воле
Рвать и топтать счастливые цветы!
И хохотать над тем, что, кроме боли,
Я никакой не знаю красоты...

22/VIII-1950.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

(Из Бодлера)

1.

Скоро мы погрузимся в потемки и холод —
Так прощай же, короткого лета краса!
Слышен стук топора... На поленья расколот
Гулко падает дуб и редеют леса...
Дрожь... Но злоба и страх тут помочь не могли бы,
Покориться придется зиме и труду!
Лишь сверкнет ледяною и красною глыбой
Мое сердце, как солнце в полярном аду...
...Не над плахою плотник стучит неустанно,
Это на землю кто-то кидает дрова!
И, как башня от мерных ударов тарана,
Содрогнуться готова моя голова...
Ровный стук убаюкал меня — и сквозь дрему
Слышу: наспех могильщики делают крест!
Для кого? Вот и осень... И вдруг по-иному
Зазвучал этот стук — и напомнил отъезд...

2.

Я люблю ваших глаз чуть зеленое пламя —
Но теперь, красота, ничему я не рад,
И не вы, и не ночь, проведенная с вами,
Не заменят мне солнца морского закат...
И, однако, простите мне косность и злобу —
О, сестра и невеста! Любите меня!
Будьте матерью мне, что разверзла утробу,
И мгновенной красой уходящего дня...
...Но надолго ли? Жадная ждет нас могила...
Так позвольте же мне, возле ваших колен,
Сожалея, что знойное лето уплыло,
Этим желтым лучом насладиться взамен...

Москва,
18/VIII-1943.

АННАБЕЛЬ ЛИ

(Из Э. По)

Это было давно, много лет назад
В королевстве у края земли.
Прелестная девочка там жила
(Назову ее Аннабель Ли),
И дышала в ней только та любовь,
Без которой мы жить не могли...

Мы оба были тогда детьми
В королевстве у края земли.
Но любили мы, как никто не любил, —
Я и Аннабель Ли, —
И крылатые ангелы в небесах
Не завидовать нам не могли...

И вот почему много лет назад
В королевстве у края земли
Морозный ветер дохнул из-за туч
На нежную Аннабель Ли,
И люди из ее знатной семьи
Далеко ее унесли...
И ныне лежит она в гробу
В королевстве у края земли...

Счастливые ангелы в небесах
Не завидовать нам не могли!
Так вот почему (как известно всем
В королевстве у края земли)
Злой ветер ночью пришел из-за туч
И схватил и убил мою Аннабель Ли!

...Но любви было больше у нас, чем в сердцах
Тех, что мудростью нас превзошли,
Тех, что возрастом нас превзошли!

— И ни радостным ангелам в небесах,
И ни демонам в недрах земли
Не дано, не дано наши души разнять —
Мою и Аннабель Ли!

...Ведь не светит луна, не даруя мне сна
О прекрасной Аннабель Ли!
И звезда не зажглась, не напомнив мне глаз
Прекрасной Аннабель Ли!

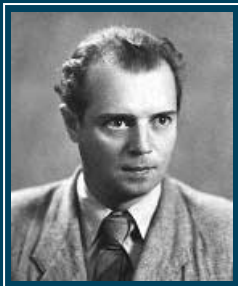
И в ночной прибой я лежу возле той,
Что зову дорогой, незабвенной женой,
В той могиле у края земли,
В той гробнице у края земли!

10/II-1944.

СОДЕРЖАНИЕ

Болотный дед	7
По углам заснули мухи	8
Последняя песня	10
Офелии	11
В зоопарке	12
Пьяница	13
Морфин	14
Полнолуние	15
Шизофрения	16
Идет он, весело размахивая	17
Лежит неубранный солдат	18
От отца родного ли рожден	19
Посвящение	20
Никогда я не брал сохи	21
Тиха во тьме бледнеющая нива	22
— Свободы не было и нет на свете...	22
Ворон	23
Звезда	26
Из-за сильной тревоги	27
Смерть	28

Горевал я на чужбине	28
Фронда	29
Разбито сердце, забыта страсть.	30
Как ни стараться зачинить разрыв.	31
Я когда-то стоял другой.	32
Я вчера еще резвился на полянке	34
Не играл я ребенком с детьми	36
О сограждане, коровы и быки!	38
Весенний лист	40
Осенняя песнь (<i>из III. Бодлера</i>).	41
Аннабель Ли (<i>из Э. По</i>).	42

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ВОЛЬПИН — легендарный Есенин-Вольпин, сын поэта Сергея Есенина, родился в 1924 году.

Поэт, математик, публицист, философ, логик. Один из создателей диссидентского движения.

В 1972 году по настоянию советских властей эмигрировал в США, где работал вначале в университете Буффало, затем в Бостонском университете.

Фронда

Нам было пресно — петь псалмы на воле
И лить елей, порядку не вредя,—
И стыдно жить, гнилой урок твердя
В наш гнусный век о прежнем произволе.
И мы смеялись, как мальчишки в школе,—
А славящим всемирного вождя
Мы вторили, забавным находя:
— Хвала, хвала великому Лойоле!
...И вот, мы доигрались: мы в тюрьме...
Крепки ли мы? Что нам грозит? В уме
Мелькают безнадежные догадки...
...Мы запирались в солнечные дни
Для самой беспокойной болтовни...
...Какая глупость — фронда без рогатки!

*7 ноября 1949, Ленинград.
тюрьма № 2 (психбольница)*